

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...
Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Пожалуйста,
избавьте
от греха

« И Н О С Т Р А Н К А »

Рекс Тодхантер Стаут
Пожалуйста, избавьте от греха
Серия «Иностранная
литература. Классика детектива»
Серия «Ниро Вулф»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122816

Пожалуйста, избавьте от греха:

ISBN 978-5-389-22729-3

Аннотация

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. Вулф сидит без работы, а деньги на его счету таят. Обеспокоенный этой проблемой, Арчи Гудвин сначала уговаривает вдову погибшего от взрыва бомбы, подложенной в ящик письменного стола, обратиться к Ниро Вулфу, а потом убеждает Вулфа взяться за расследование...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	32
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Рекс Стаут Пожалуйста, избавьте от греха

© А. В. Санин, перевод, 1993, 1994

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

Глава 1

Вулф коротко хмыкнул, метнул на меня быстрый взгляд, затем снова посмотрел на доктора Волмера, сидевшего в красном кожаном кресле напротив стола Вулфа.

Причиной этого послужила вовсе не просьба об одолжении. В мире еще не родился человек, способный отказать в подобной просьбе с большей легкостью, чем Ниро Вулф. Беда была в том, что на сей раз в роли просителя выступал доктор Волмер, дом и приемная которого располагались буквально в нескольких шагах от нашего старого особняка и который оказывал нам одолжения не реже, чем мы ему. Так что деваться Вулфу было некуда, отчего он и хмыкнул.

Волмер скрестил длинные худые ноги и задумчиво потер пальцем костлявый подбородок:

– На самом деле это нужно моему другу. И мне бы очень хотелось помочь ему. Его зовут Ирвин Остроу. Он психотерапевт, но не приверженец фрейдизма. Он использует новый подход к психотерапии, который получил название «кризисная интервенция». Мне придется пояснить, на чем он основан. Главный принцип – это...

– Экстренная помощь, – подсказал Вулф. – Эмоциональный турникет.

– Как... откуда вы знаете?

– Я читаю. Я читаю по разным причинам, одна из которых

состоит в том, чтобы знать, что еще выдумали мои собратья по разуму. Сейчас в нашей стране действуют уже несколько тысяч центров кризисной интервенции. Например, при Детройтском психиатрическом институте открыт новый Центр профилактики самоубийств. Центр по кризисам Мемориальной больницы Грейди в Атланте укомплектован психиатрами, медсестрами, социальными работниками, терапевтами и священнослужителями. Об этом много писал и говорил директор отделения клинической психиатрии городской больницы Сан-Франциско. По фамилии Декер.

– А по имени?

– Барри.

Волмер покачал головой:

– Пожалуй, во всем мире не сыскать столь поразительного сочетания всезнайства и невежества. Вы же наверняка понятия не имеете о том, что входит в обязанности полузащитника. Не представляете, что такое фуга.

– Я стараюсь знать лишь то, что мне необходимо. Зато это я уже знаю наверняка.

– А если это нельзя познать?

– Только философы и дураки тратят время, пытаясь познать непознаваемое. Я ни к тем, ни к другим не отношусь. Итак, что хочет знать доктор Остроу?

Волмер заерзал в глубоком кресле, устраиваясь поудобнее.

– Что ж... Я не хочу докучать вам, повторяя то, что вам

уже известно. Если так все же случится, прервите меня. Клиника по борьбе с кризисами расположена в Вашингтон-Хайтсе на Сто семьдесят восьмой улице, рядом с Бродвеем. Лечат в ней амбулаторно. Люди могут приходить прямо с улицы. Часто именно так и случается. Женщина, которая беспричинно колотит свою двухлетнюю дочь. Мужчина, который просыпается посреди ночи и отправляется гулять по улицам в одной пижаме. Если этим людям не оказать своевременную помощь, они все кандидаты в пациенты психушек, и клиника... Но это вы сами знаете. Восемь дней назад, ровно за неделю до вчерашнего дня, в клинику обратился молодой человек, которого медсестра направила к Ирвину – к доктору Остроу. Молодой человек сказал медсестре, что его зовут Рональд Сивер. – Волмер вопросительно посмотрел на меня.

– Надеюсь, уж им-то ни к чему посещать психиатрические клиники, – сказал я и повернулся к Вулфу. – Речь идет об одной из областей, в которых вы полный профан. О бейсболе. Рон Свобода – аутфилдер¹, а Том Сивер – питчер². Рон Сивер – имя, безусловно, вымышленное, но вам, возможно, небесполезно будет знать, что он болеет за «Метс».

– Спасибо, – сказал Волмер. – Разумеется, Ирвин сразу догадался, что имя вымышленное, но больные часто не называют своих настоящих имен при первом посещении. Однако пять дней спустя, в субботу утром, он пришел снова. И

¹ Игрок, располагающийся в дальней части поля.

² Подающий игрок.

потом еще раз, в воскресенье. Но он не только не признался, как его зовут на самом деле, но и не пожелал ни о чем рассказывать, кроме того, что его мучило. Ему все время казалось, что у него руки в крови. Невидимая для окружающих кровь время от времени выступает у него на руках, и ему приходится отмываться. В первый раз это случилось десять – нет, двенадцать дней назад, посреди ночи, и он встал и пошел в ванную. С тех пор это повторялось довольно часто и днем и ночью, но, как правило, когда он был один. По словам медсестры из клиники, это синдром леди Макбет. Пациент утверждает, что даже не подозревает о возможной причине, послужившей толчком для заболевания, но Ирвин убежден, что он врет. – Волмер развел руками. – Вот такой у него кризис. Ирвин считает, что случай тяжелый. Если не принять мер, то возможен самый плачевный исход. Однако им никак не удастся пробиться сквозь его защитный барьер. Одна из коллег Ирвина, замечательный врач-психоаналитик, которой удавалось выводить больных даже из полного ступора, проведя с ним позавчера, в воскресенье, два часа, заявила этому Сиверу, что он только зря тратит свое и ее время. Она добавила, что может предложить ему на выбор одно из двух: либо он отправляется к хирургу, который ампутирует ему обе руки, либо обращается к сыщику, например к Ниро Вулфу, и попробует поговорить с ним. И знаете, что он ответил? Он сказал: «Да, я так и сделаю. Я пойду к Ниро Вулфу».

Я взметнул брови:

– А ведь он уже пытался. Значит, это и был Рон Сивер. Он звонил вчера днем, около полудня, и сказал, что хотел бы прийти и заплатить сто долларов в час за то, чтобы задавать Ниро Вулфу вопросы. Имя свое он назвать отказался, но и про кровавые руки не упоминал. Ясное дело, я решил, что он чокнутый, и отказал ему.

– Потом он позвонил Ирвину, а Ирвин перезвонил мне. – Волмер обратился к Вулфу: – Конечно, сто долларов в час для вас ничто, но я пришел, чтобы просить помочь своему другу. Вы сказали: то, что вам необходимо, вы знаете наверняка. Так вот, доктор Остроу считает, что у этого человека руки и впрямь могли быть в крови. Он хотел бы знать, можно ли ему помочь. И я, честно говоря, тоже. Мне, как и большинству врачей, приходилось иметь дело с душевнобольными, но такое для меня в новинку.

Вулф посмотрел на настенные часы. Было без двадцати семь.

– Вы пообедаете с нами? Икра шэда по-креольски. Только вместо репчатого лука Фриц добавляет лук-шалот и обходится без кайенского перца. Запивать будем шабли, а не хересом.

Волмер улыбнулся во весь рот:

– Зная, как редко вы оказываете кому-либо подобную честь, я весьма признателен. Но поскольку вы делаете это только в знак сочувствия...

– Я никогда не сочувствую.

– Ха! Вы считаете, что я ем то, что Джонсон описывал Босуэллу³: «неправильно убито, ужасно приготовлено, кошмарно заправлено и чудовищно подано», и жалеете меня. Спасибо, но у меня еще остались дела до обеда. Если бы я мог зайти завтра и привести этого человека...

Вулф скорчил гримасу:

– Только не к обеду. Надеюсь, он завтра обратится к доктору Остроу или хотя бы позвонит ему. Если это случится, скажите, чтобы зашел ко мне завтра вечером, в девять. Денег я не возьму. Сочувствовать тоже не стану.

³ *Сэмюэл Джонсон* (1709–1784) – английский писатель и лексикограф, автор знаменитого «Словаря английского языка». *Джеймс Босуэлл* (1740–1795) – писатель, автор книги «Жизнь Сэмюэла Джонсона», считающейся образцом мемуарной литературы.

Глава 2

Это было во вторник, третьего июня. На следующее утро возникло маленькое осложнение. Обычно, когда у нас нет текущего дела, я отправляюсь после завтрака на прогулку, порой даже не удосуживаясь привести Вулфу благовидный предлог вроде посещения банка. Так вот, в эту среду я остался без прогулки. Не помню, говорил ли я когда-нибудь, что все трое работников корпорации «Мидтаун хоум сервис», которые приходят к нам раз в неделю, всегда мужчины, потому что на этом настаивает Вулф. Так вот, в ту среду Энди и Сэм, как всегда, пришли в девять утра, но с ними была женщина, черная как смоль, с хриплым голосом и плечами, шириной не уступающими моим. Энди, белый, но широких взглядов, объяснил, что мужиков стало труднее, чем когда-либо, заполучить. Представив темнокожую женщину как Люсиль, он для начала поручил ей столовую, которая размещается напротив кабинета на первом этаже нашего старого особняка из бурого песчаника. Вулф с девяти до одиннадцати утра неизменно торчит в оранжерее, а потому ее не видел. Я вернулся на кухню, уселся за маленький столик, налил себе вторую чашку кофе и обратился к Фрицу:

– Скажем ему, что это переодетый мужчина, потому что его разыскивает полиция.

– Хочешь еще блинчик, Арчи? У меня осталось тесто.

– Нет, спасибо, старина. Твои блинчики замечательные, как всегда, но я уже слопал пять штук... А полиция за ним гонится потому, что он торгует марихуаной. Или лучше – ЛСД.

– Да, но вид спереди... У нее такие громадные груди.

– Накладные, сразу видно. Лифчик набит ватой. Это бразильский кофе?

– Нет, колумбийский. Я понимаю, ты шутишь. Если он ее увидит... – Фриц воздел руки к небесам и молитвенно посмотрел вверх.

– Наверняка увидит. Он частенько заходит в кухню, когда ты кормишь их ланчем. – Я глотнул горячего кофе. – Я скажу ему, когда он спустится. Заткни уши – может грянуть гром.

Вот как случилось, что я остался без прогулки. Мало ли что. Вдруг Люсиль, наслушавшаяся про орхидеи, захочет прокрасться наверх и полюбоваться на них?

В одиннадцать, когда послышался лязг спускающегося лифта, я сидел за своим столом в кабинете. Вулф вошел, пожелал мне доброго утра, протопал к своему столу и вставил в вазу ветку *Asamre pachyglossa*.

– Тут у нас внесена одна поправка в местное законодательство, – сразу начал я. – Вместе с Сэмом и Энди пришла женщина, чернокожая, по имени Люсиль. Сейчас она убирает вашу комнату вместе с Энди. По его словам, им не хватает мужиков, потому что все больше мужчин считает, что работа по дому не мужское занятие. Глупо, конечно, ведь Фриц,

Теодор и я работаем в вашем доме, а мы все мужики хоть куда. Похоже, что на данный ход событий мы воздействовать не в состоянии. Если вы считаете иначе, пожалуйста, воздействуйте.

Вулф устроил свои девятнадцать стоунов⁴ (в стоунах его вес воспринимается лучше, чем в фунтах) в изготовленное по особому заказу кресло, взглянул на настольный календарь и взял в руки пачку свежей корреспонденции. Потом перевел взгляд на меня:

– А есть женщины в «Черных пантерах»?

– Попробую выяснить. Но если и есть, Люсиль к их числу не относится. Она скорее вороняя кобыла, клейдесдаль или першерон. Ей ничего не стоит поднять одним пальцем пылесос.

– Она в моем доме по приглашению. Мне придется поговорить с ней. Хотя бы кивнуть и поздороваться.

Однако Вулф так и не привел свою угрозу в исполнение. В кухню во время ланча он не заходил, а в остальное время Энди, знавший о чудачествах Вулфа отнюдь не понаслышке, следил, чтобы их дорожки не пересекались. Уходили из нашего дома они обычно в четыре, когда Вулф поднимался в оранжерею, поэтому Энди подождал, пока лифт двинется наверх, и только после этого засобирался. Проводив уборщиков, я успокоился. Учитывая отношение Вулфа к женщинам, невозможно предугадать, что он выкинет, когда в нашем до-

⁴ 1 стоун равен 14 фунтам, или примерно 6,4 кг.

ме оказывается представительница прекрасного пола. Я раскладывал бумажки, которые получил от Теодора, и заносил в картотеку свежие данные по цветению и скрещиваниям, когда позвонил доктор Волмер и сообщил, что Рональд Сивер придет в девять, как и было условлено. Все приготовления к приходу гостя заняли у меня шесть минут: я вынул из шкафа затейливую кружку из стекла и металла, из которой торчали острозаточенные кончики грифелей дюжины карандашей, и поставил ее в определенное место справа от своего стола, потом воткнул особый шнур в замаскированную розетку.

Он опоздал почти на полчаса. Было уже 21:23, и мы, сидя в кабинете, как раз покончили с вечерним кофе, когда в дверь позвонили. Я поспешил в прихожую. Посмотрев в одностороннее стекло, я увидел на крыльце одного из тех субъектов, которыми кишит деловой центр Манхэттена: типичный руководитель низшего звена, среднего роста, с преждевременно усталой физиономией, в темно-сером, явно ушитом костюме и без шляпы. Открыв дверь, я пригласил его войти и, не удержавшись, заметил:

– Сказали бы по телефону, что вы Рон Сивер, я бы посоветовал вам, как одеться подобающим образом.

Он улыбнулся – той улыбкой, что быстро появляется и еще быстрее гаснет, – и пробубнил:

– У них-то дела получше.

Я согласился и провел его через прихожую. Войдя в кабинет, он сделал три шага, остановился и тут же попятился. Я

подумал, что, должно быть, увидев Вулфа, гость решил отказаться от разговора. Наверное, он подумал так же, но, когда я указал ему на красное кожаное кресло, подошел к столу Вулфа, что-то пробормотал и протянул руку. В ответ Вулф произнес:

– Нет, никакой крови на ней нет. Садитесь.

Посетитель сел в кресло и посмотрел на Вулфа:

– Если бы вы ее видели, если бы вы только могли ее видеть.

Подойдя к своему столу, я метнул взгляд на кружку с карандашами и убедился, что все на месте.

– Я не могу, – кивнул Вулф. – Если доктор Волмер верно обрисовал ситуацию, то одно из двух: либо вы абсолютный тупица, либо душевнобольной. Будь вы в здравом уме, если он у вас есть, вы бы должны были понять, что никто вам в клинике не поможет, если вы не сообщите хоть что-нибудь о себе. Вы скажете мне, как вас зовут?

– Нет, – еле внятно буркнул Рональд Сивер.

– Но хоть что-нибудь расскажете? Где вы живете, где работаете, где видели эту пресловутую кровь? Хоть что-нибудь?

– Нет. – Его кадык судорожно дернулся. – Я объяснил доктору Остроу, что не могу это сделать. Я знаю, что в их клинике творят чудеса. Я был... Я слышал об этом. Мне казалось, что можно... Мне казалось, что я могу попытаться.

Вулф посмотрел на меня:

– Сколько стоит его костюм?

– Сотни две, может, больше. А туфли не меньше сорока.

– Сколько может ему заплатить журнал или газета за статью об этой клинике?

– О господи! – выпалил помятый. – Дело вовсе не в... – Он осекся, будто прикусил язык.

– Это одно из вполне разумных умозаключений. – Вулф покачал головой. – Я не люблю, когда меня водят за нос, и сомневаюсь, чтобы доктору Остроу подобное пришлось по душе. Проще всего убедиться в том, не самозванец ли вы, выяснив, кто вы есть на самом деле. Отправив мистера Гудвина следить за вами после вашего ухода, я потерял бы время и деньги. Но это ни к чему. Арчи?

Я взял в руки кружку и показал Рональду Сиверу:

– Внутри скрытая камера. – Я вынул пару карандашей, точнее, огрызков длиной два дюйма. – Камера прямо под ними. Я сфотографировал вас восемь раз. Завтра покажу снимки своим знакомым – журналисту, копам...

Когда вы сидите на стуле, а на вас набрасывается мужчина, ваши действия зависят от того, что у него на уме. Если умысел у него явно дурной, то независимо от того, есть у него оружие или нет, вы как можно быстрее вскакиваете на ноги. Если же он просто пытается что-то у вас отобрать, например кружку с карандашами, а вы видите, что в силе и ловкости противник вам определенно уступает, то вы ограничиваетесь тем, что поджимаете ноги.

На самом деле он даже не приблизился, остановился в

трех шагах от меня, повернулся к Вулфу и сказал:

– Вы не имеете права. Доктор Остроу не позволил бы вам.

– Разумеется, нет, – согласно кивнул Вулф, – но мой кабинет не относится к его юрисдикции. Вы посягнули на мое время и отняли у меня целый вечер, и я хочу знать почему. В самом деле вы отчаянно нуждаетесь в помощи или затеяли какую-то дурацкую игру? Скоро, возможно завтра утром, я это узнаю – в зависимости от того, сколько потребуется времени мистеру Гудвину, чтобы опознать вас по фотографиям. Надеюсь, это не слишком затянется, ведь я просто оказываю услугу своему другу. До свидания, сэр. Я свяжусь непосредственно с доктором Остроу, а не с вами.

Лично я не рискнул бы делать ставку. На мой взгляд, парень в равной степени мог влипнуть в какую-нибудь переделку или затеять нечистую игру. Его длинный заостренный нос, совершенно не гармонировавший с широким квадратным подбородком, пару раз подозрительно дернулся, но это еще ничего не доказывало. Но вот сейчас, однако, что-то стало вырисовываться. Рональд Сивер, набычившись, уставился на меня, а в глазах появилось обиженное выражение.

– Я вам не верю, – наконец сказал он, причем громче, чем следовало, ведь стоял он совсем рядом.

Не спуская с него глаз, я потянулся к кружке, которую уже успел переставить на свой стол, встал, снял крышку с карандашами, нагнул кружку, чтобы показать ему, что находится внутри, и пояснил:

– «Аутофотон», японского производства. С электронным управлением. Ставлю десять против одного, что к рассвету мы вас изобличим.

Его губы раскрылись, но из них не вылетело ни звука. Он посмотрел на Вулфа, потом перевел затравленный взгляд на меня, затем развернулся и сделал пару неуверенных шагов. Я уже подумал даже, что он уходит. Однако в последний миг он взял правее и остановился в двух шагах от огромного глобуса, перед книжными полками. Минуты две-три он постоял там, словно собираясь с мыслями, затем повернулся, достал из внутреннего кармана пиджака кожаный бумажник, вынул какую-то карточку и передал ее Вулфу через стол. Вулф пробежал карточку глазами и отдал мне. Это оказались нью-йоркские водительские права, выданные Кеннету Мее-ру, рост 5 футов 11 дюймов, 32 года, Кlover-стрит, дом 147, Нью-Йорк, 10012.

– Сберегу вам время на лишние расспросы, – сказал он и протянул руку.

Я молча вернул ему карточку, а он, убрав ее в бумажник и спрятав тот в карман, снова повернулся и вышел. На сей раз уверенно и быстро. Я проводил его в прихожую, запер дверь, которой он даже не хлопнул, вернулся в кабинет, сел за свой стол, задумчиво склонил голову набок и произнес, глядя на Вулфа:

– Вчера вы сказали доку Волмеру, что читаете, чтобы знать, что еще выдумали наши собратья по разуму. Ну и?..

Вулф поморщился:

– Сколько раз нужно говорить тебе, что слово «док» – отвратительный вульгаризм.

– Я все время забываю.

– Пф! Ты никогда ничего не забываешь. Ты это делаешь назло мне. Что касается Кеннета Меера, то в «Таймс» его фотографии не помещали. А как насчет «Газетт»?

– Нет. Имя несколько раз упоминалось, но фотографии не было. Как, впрочем, и сообщения о том, что у него руки в крови. Хотя нагляделся он на нее предостаточно. Но, коль скоро речь идет об услуге для друга, я могу сделать пару звонков и...

– Нет. Позвони доктору Волмеру.

– Но, может быть, мне следует...

– Нет!

Я развернулся на стуле и придвинул к себе телефонный аппарат. Из трех известных нам номеров в данную минуту дока, скорее всего, следовало искать по тому, что не числился в справочниках и был установлен на третьем этаже его особняка. Трубку снял сам Волмер. Вулф взял свою трубку, а я слушал.

– Добрый вечер, доктор. Этот человек приходил, опоздав на полчаса, и только что ушел. Он отказался предоставить нам какие бы то ни было сведения, даже свое имя, и нам пришлось прибегнуть к хитрости, воспользовавшись скрытой камерой. Припертый к стенке, он был вынужден показать

нам свое удостоверение на право вождения моторизованного средства, после чего отбыл, не сказав ни единого слова. Его имя недавно упоминалось в прессе в связи с убийством, но только в качестве одного из свидетелей. Никаких намеков на то, что он находится в числе подозреваемых, не было. Назвать вам его имя, для доктора Остроу?

– Ну... – Секунд на десять трубка замолчала. – Вы узнали его... прибегнув к хитрости?

– Да. Как я и сказал.

– Тогда мне кажется, что не... – Снова воцарилось молчание, правда не столь продолжительное. – Я сомневаюсь, что Ирвин захочет узнать это. Он никогда не прибегает к подобным методам. Могу я спросить его, а потом перезвонить вам?

– Разумеется.

– Вы не намерены... Вас не интересует это убийство? В профессиональном смысле?

– Только как наблюдателя. Я к нему не причастен и вмешиваться не собираюсь.

Волмер поблагодарил Вулфа за услугу, без особого, впрочем, пыла, и они распрощались. Вулф кинул взгляд на настенные часы – было пять минут одиннадцатого – и потянулся к очередной книге «Командование принимает Грант» Брюса Каттона. Я вышел из кабинета и поднялся по ступенькам в свою комнату, чтобы успеть на телетрансляцию последних иннингов бейсбольного матча со стадиона Ши.

Глава 3

Обычно мы храним «Таймс» и «Газетт» в течение трех недель после выхода, порой дольше. Даже будь наш банковский счет на рекордно высоком уровне, я бы все равно порылся в отчетах об убийстве Оделла только из любопытства, ведь мы теперь лично познакомились с одним из действующих лиц. Однако нам срочно требовалась работа. За последние пять месяцев с начала 1969 года мы расследовали всего шесть дел, причем лишь в одном случае гонорар составил число с пятью нолями – нам удалось вытащить одного бедолагу из совершенно жуткой передрыги, в которую тот угодил исключительно по собственной глупости. Словом, банковский счет отошал, как медведь после спячки. Чтобы справиться с расходами на содержание нашего старого особняка из бурого песчаника, включая еженедельную выплату жалованья Теодору, Фрицу и мне, Вулфу пришлось бы к середине июля расстаться с кое-какими ценными бумагами, что было крайне нежелательно. Вот почему, когда я спустился на цокольный этаж, где хранились старые газеты, двигало мной не одно лишь праздное любопытство.

Убийство произошло две недели назад, но все подробности были с достаточной ясностью освещены уже в самых первых газетных сообщениях и с тех пор существенно не менялись. Во вторник 20 мая в 15:17 некий Питер Дж. Оделл

вошел в комнату на шестом этаже здания КВС на Западной Пятьдесят четвертой улице, выдвинул нижний ящик письменного стола и мгновенно погиб. Бомба, которая разнесла его в клочья, была настолько мощной, что не только подбросила металлический стол в потолок, но и разрушила две стены. Компании КВС – «Континентальные вещательные сети» – принадлежало все здание, а Питер Дж. Оделл занимал в ней пост вице-президента и отвечал за развитие. Кабинет и стол были не его; они принадлежали другому вице-президенту, Эймори Браунингу, отвечавшему за планирование.

Вот, в двух словах, что случилось, но в дополнение к главному вопросу – кто подложил бомбу? – оставалось еще много неясностей. В том, что один вице-президент зашел в кабинет другого, ничего необычного не было, но вот зачем понадобилось Оделлу выдвигать этот ящик? Тот самый ящик. Многие в КВС знали, а потому это просочилось в «Таймс» и «Газетт», что ящик не открывал никто, кроме самого Браунинга, который хранил в нем бутылку (или бутылки) виски «Тен-Майл-Крик» двенадцатилетней выдержки. И Оделл наверняка знал об этом.

Никто не признался, что видел, как Оделл заходил в комнату Браунинга. Хелен Лугос, секретарша Браунинга, которая сидела в примыкающей комнате, находилась в это время в архиве, располагавшемся в конце коридора. Кеннет Мер, один из заместителей Браунинга, проводил совещание на первом этаже. Сам Браунинг был в это время у Касса Р.

Эбботта, президента КВС, в его кабинете, занимавшем весь угол шестого этажа. Если кто и знал, зачем Оделл пожаловал к Браунингу, то признаваться не пожелал. Вот почему ответ на вопрос «Кто подложил бомбу?» частично зависел от ответа на другой вопрос: «Кто должен был выдвинуть этот ящик?»

Перечитав отчеты в пятнадцати номерах «Таймс» и в пятнадцати выпусках «Газетт», я уразумел только одно: все подробности убийства я знаю назубок. И все. Ни намек, ни малейшей зацепки, чтобы начать расследование, у меня не было. Когда я покончил с газетами, стрелки часов показывали начало двенадцатого, следовательно Вулф уже спустился из оранжереи. Я поднялся по лестнице в свою комнату и позвонил в «Газетт». Поскольку газета выходит во второй половине дня, телефон Лона Коэна обычно бывает занят с 10:00 до 16:20, но мне все же удалось прорваться. Я сказал, что мне хватит тридцати секунд, но Лон заявил, что с меня достаточно и пяти.

– Тогда, – мстительно произнес я, – я не расскажу тебе про стейк Шатобриан, который припас для нас Феликс. Ты можешь встретиться со мной в «Рустермане» в четверть седьмого?

– Могу, если нужно. А что захватить с собой?

– Только язык. Собственный. Ну и конечно, пару фунтов салата на потом.

Под «потом» я подразумевал еженедельную игру в покер,

которой мы самозабвенно отдавались по четвергам с восьми вечера в квартире Сола Пензера. Лон прошелся по поводу салата, и мы распрощались. Я тут же позвонил по другому, не менее привычному номеру, позвал Феликса и сказал, что на сей раз просьба посадить нас наверху в уединенном кабинете исходит лично от меня, а не от Вулфа и что если у него нет стейков Шатобриан, то сойдут и турнедо. Феликс спросил, какими цветами украсить стол, но я ответил, что моим гостем будет не женщина, а мужчина, из которого я надеюсь выцарапать ценные сведения, поэтому стол лучше украсить четырехлистным клевером – на счастье.

Предупреждать Вулфа, чтобы к обеду меня не ждали, не требовалось, поскольку по четвергам я всегда провожу вечер у Сола. Вулф садится обедать в 19:15, а покер начинается в восемь.

Когда мы покончили с утренней почтой, я вскользь обронил, что выйду из дому без четверти шесть, до того как Вулф спустится из оранжереи. Кеннета Меера я упоминать не стал, молчал о нем и Вулф, но в середине дня позвонил Волмер и сказал, что доктор Остроу не выразил желания узнать настоящее имя Рональда Сивера. Наврал, конечно. Доктор Остроу наверняка желал бы знать, как зовут Сивера, но только не после того, как Волмер сообщил о том, что Вулф прибежит к уловке.

Маленький кабинет наверху в «Рустермане» хранил для меня множество приятных воспоминаний о тех днях, когда

еще был жив Марко Вукчич, благодаря которому ресторан снискал славу лучшего во всем Нью-Йорке. Сам Ниро Вулф высоко ценил кухню «Рустермана» и частенько заходил сюда посидеть со своим старым другом. Кухня и сейчас оставалась отменной, как заметил Лон Коэн, проглотив третью ложку щавелевого супа; не поскупился он на похвалу и позднее, прожевав второй кусок стейка Шатобриан и запив его изрядным глотком кларета.

Примерно после четвертого глотка Лон сказал:

– Я чувствовал бы себя куда лучше – или хуже, кто знает, – если бы знал цену. Ясное дело, тебе что-то понадобилось. Или Ниро Вулфу. Что?

Я проглотил кусочек мяса:

– Не Ниро Вулфу. Мне. Он даже об этом не подозревает, и я не хочу, чтобы он узнал. Мне нужны кое-какие сведения. Сегодня утром я потратил два часа, читая подряд все, что напечатали две великие газеты про убийство Питера Дж. Оделла, но я все еще не удовлетворен. Вот я и подумал, что не мешало бы поточить с тобой ляды.

Лон прищурился:

– Без дураков? Вулф и в самом деле не знает, что ты меня угощаешь?

– Честное слово.

Лон посмотрел примерно на фут выше моей головы, как он поступает всякий раз, когда решает – вскрыть карты или поднять ставку, – подумал, пока я намазывал маслом булоч-

ку, потом посмотрел мне в глаза.

– Что ж... – произнес он. – Пожалуй, тебе стоит поместить в «Газетт» объявление. Разумеется, под кодовым номером, если Вулф и впрямь не должен знать о твоих подвигах.

При первом взгляде на Лона, на его мелковатое лицо с черными прилизанными волосами, никто бы не догадался, что он дьявольски хитер. Те же, кто с ним знаком, отлично это знают, включая самого издателя «Газетт», потому-то, наверное, кабинет Лона и располагается всего через две двери по коридору от кабинета издателя.

Я покачал головой:

– Люди, которые меня интересуют, не читают объявления в «Газетт». Откровенно говоря, я немного засиделся без дела и хотел бы поразмяться. Уверен, что полиция раскопала массу фактов, которые не предназначаются для печати. В этом кабинете записывающих устройств нет, я тоже пришел без микрофонов. Есть ли у Кремера или окружного прокурора сведения, которые они приберегают?

– Нет. – Лон подцепил на вилку несколько горошин. – Почти наверняка нет. И главное – они не знают, кому предназначалась бомба. – Он опустил горошины туда, куда хотел. – Возможно, это знает только тот парень, который ее подложил. Логично предположить, что она предназначалась для Браунинга, но взорвался-то Оделл. Факты – упрямая вещь. Может быть, Браунинг оставил ее для Оделла? Мотив у него был.

– Весомый?

– Вполне. Ты, конечно, знаешь, что тридцать первого августа Эбботт уходит на пенсию, и совет директоров должен был в тот самый день собраться в пять часов и решить, кто его заменит. Обсуждаться должны были две кандидатуры: Браунинга и Оделла. Оделл, безусловно, не подкладывал бомбу Браунингу, а вот не мог ли Браунинг сделать это сам, а потом попросить Оделла залезть в ящик?

Я отпил глоток кларета.

– Разумеется, дело освещают – или освещали – твои лучшие люди. Что они думают?

– Они больше не думают. Только строят догадки. Лэндри предположил, что бомбу туда засунула миссис Браунинг, зная, что Хелен Лугос, секретарша ее мужа, имеет обыкновение проверять запасы виски по утрам.

– Это правда? Я имею в виду, что она по утрам лазила в этот ящик?

– Не знаю и сомневаюсь, что Кремер знает. С репортерами Хелен не разговаривает, да и с полицейскими, насколько мне известно, тоже не слишком разговорлива. У меня нет причин утверждать, что Хелен и Браунинг были любовниками, хотя Лэндри убежден в этом. Спроси инспектора Кремера. Возможно, он знает. Другую гипотезу высказал Гахаган. Он считает, что Оделл пытался подложить бомбу Браунингу и сам подорвался. Гахаган потратил неделю, пытаясь выяснить, где мог Оделл раздобыть бомбу. Перлман пред-

положил, что виновник взрыва – Эбботт. Старик хотел, чтобы президентом стал Оделл, а остальные были за Браунинга. Перлман также высказал три предположения, зачем Оделлу понадобилось залезать в этот ящик, но они не выдерживают критики. Дамиано склонен винить в случившемся Хелен Лугос, которая хотела поквитаться с Браунингом, но он, как и Перлман, не в состоянии объяснить, при чем тут Оделл.

– А в чем причина нелюбви Хелен к Браунингу?

– Секс.

– Это не ответ.

– Еще какой ответ. Когда секс влезает в окно, логика уползает через дверь, поджав хвост. Когда люди вступают в сексуальные отношения, любой из них способен совершить самый сумасбродный поступок, который никто потом не в состоянии объяснить. Гипотеза Дамиано основана на показаниях некоего Меера. Кеннета Меера. Заместителя Браунинга по кадрам. Дамиано взял у него интервью на следующий день после взрыва – они, оказывается, мальчиками пели в одном церковном хоре, – и, по словам Меера, расследование должно сосредоточиться на Хелен Лугос. Дамиано, разумеется, накинулся на него как стервятник, но Меер спрятался в ракушку. А Хелен, как я говорил, отвечать на вопросы отказывается.

– А Дамиано сказал о разговоре с Меером инспектору Кремеру?

– Нет, конечно. Он и нам-то всего пару дней назад расска-

зал. Надеялся сам стать героем.

– А самого Меера никто не подозревает?

– В «Газетт» – никто. Разумеется, мы его обсуждали, как и всех остальных, но мотива нащупать не удалось. Причин желать смерти Браунинга у него, безусловно, не было. Избрали бы Браунинга президентом, и Меер тут же взлетел бы на самый верх. Да и мог ли он убедить Оделла залезть в злополучный ящик? Нет, таким гипотезам грош цена. Если бомба и впрямь предназначалась для Браунинга, подложить ее мог кто угодно из более чем дюжины сотрудников. И не только сотрудников. Взять, например, Маделин Оделл, теперь вдову Оделл. С тех самых пор, как она вышла за него замуж двадцать лет назад, она мечтала, что ее муж станет президентом КВС, а тут обстоятельства начали явно складываться в пользу Браунинга. Или Теодор Фолк, Фолк с Уолл-стрит, закадычный друг Оделлов и член совета директоров КВС. Разумеется, сам бы он не стал это делать, но миллионерам вовсе ни к чему пачкать собственные руки. Или Сильвия Веннер. Знаешь ее?

– «Большой город», – кивнул я.

– Совершенно верно. Она вела эту программу два года, а Браунинг ее вышвырнул. Теперь она перебивается случайными заработками и ненавидит Браунинга лютой ненавистью. Я мог бы и еще назвать. Разумеется, нашлись бы также желающие отправить на тот свет и Оделла, но тут возникает проблема, что бомба-то, как ни верти, оказалась в ящике

Браунинга.

Я проглотил последний кусочек стейка Шатобриан и нажал на кнопку, чтобы вызвать Пьера.

– Ты сказал, что жена Оделла вот уже двадцать лет мечтала о том, чтобы он стал президентом. А она пыталась хоть как-нибудь способствовать этому?

– Еще как. Она унаследовала приличный пакет акций КВС от своего отца Карла Хартига вместе с нефтяными скважинами и уймой других мелочей. В последние десять лет она заседала в совете директоров КВС. Думаю, что она охотно рассталась бы с половиной своих семидесяти или восьмидесяти миллионов долларов, чтобы избавиться от Браунинга, но, зная, что в его ящике лежит бомба, она пошла бы на все, чтобы ее муж в тот день и близко не подошел к кабинету Браунинга. Вот почему я даже не рассматриваю ее в числе возможных кандидатур, да и других тоже, насколько мне известно.

– У нее и впрямь есть семьдесят или восемьдесят миллионов?

– Как минимум. Дамочка набита деньгами.

– Ха! Какой соус тебе подать к суфле? Имбирный бренди или ром-мокко?

– Ром-мокко звучит заманчивее.

Пьер собирал опустевшие тарелки. Я дождался, пока он удалится, и лишь затем возобновил беседу с Лоном. Мало ли, вдруг Эбботт, Браунинг или Маделин Оделл входят в

число любимых клиентов Пьера.

Без четверти восемь, выйдя из «Рустермана», мы решили не ловить такси, а пройти одиннадцать кварталов до дома Сола Пензера пешком. К тому времени я выудил из Лона еще добрую сотню фактов и предположений, но перечислять их для вас было бы только пустой тратой чернил и бумаги, поскольку пока к осуществлению своего замысла я не продвинулся ни на шаг. Что касается вечернего покера, распространяться я также не стану; скажу только, что занятый обдумыванием предстоящей операции мозг – не лучший помощник в карточной игре. Словом, я спустил шестьдесят восемь баксов.

Глава 4

Прежде всего меня заботило, как к ней подобраться, а уж во вторую очередь – что ей сказать, если подберусь. «К ней» – это, как вы догадались, относилось к Маделин Оделл, нашей безутешной вдове. К бомбе она почти наверняка отношения не имела, у нее было больше всех оснований желать, чтобы преступника поймали и наказали, и она была самой богатой. Вот из-за каких мыслей я и сделал три серьезные и несколько мелких ошибок, стоивших мне столь крупного проигрыша в покер. Впрочем, они не помешали мне поспать полагающиеся восемь часов – ничто не может мне помешать – и не повлияли на аппетит за завтраком. Правда, читая «Таймс», я пропустил несколько разделов, которые обычно просматриваю, да и с Фрицем был слегка рассеян. А придя в кабинет, я забыл поменять воду в вазе на столе Вулфа.

Когда подоспел ланч, я все еще не принял окончательного решения. Конечно, в моем мозгу роились тысячи уловок, воспользовавшись любой из которых я бы проник к вдове. Но что потом? После ланча я отправился прогуляться, придумав в оправдание несколько мелких дел. Вернулся я только в начале пятого, когда Вулф находился в оранжерее, а потому кабинет был в моем распоряжении. Придвинув пишущую машинку, я вставил лист бумаги и напечатал:

Уважаемая миссис Оделл!

Я печатаю это письмо на бланке Ниро Вулфа, поскольку работаю на него и сейчас сижу в его кабинете. Однако дело у меня сугубо личное, и мистер Вулф не знает о том, что я решил к Вам обратиться. А поступаю я так, потому что, будучи опытным профессиональным сыщиком, с мучительной болью слежу за тем, насколько непрофессионально ведется расследование убийства Вашего мужа. Разумеется, мы с мистером Вулфом пристально следили за всеми публикациями, но вчера днем он сказал мне, что, по его мнению, на самый важный факт внимания не обращают или замалчивают его, и я с ним согласился. Если он обратится с подобным замечанием в полицию либо к окружному прокурору, действия это наверняка не возымеет, но сегодня утром мне пришло в голову, что, исходя такое заявление от Вас, они отнеслись бы к нему совсем иначе. Если захотите со мной связаться, то адрес и номер телефона указаны выше.

Перечитав послание дважды, я внес пять мелких изменений и исправлений, перепечатал письмо в двух экземплярах, подписал его и адресовал конверт миссис Оделл, проживающей на Восточной Шестьдесят третьей улице. Потом заскочил на кухню сказать Фрицу, что пойду прогуляться, а сам отправился в почтовое отделение на Восьмой авеню.

Поскольку стоял июнь и была уже пятница, навряд ли письмо могло дойти раньше понедельника, так что в уик-энд

я мог вволю насладиться бейсболом на стадионе Ши, однако в субботу утром, в несколько минут двенадцатого, когда Вулф начал диктовать бесконечное письмо коллекционеру орхидей из Малайзии, зазвонил телефон, и я снял трубку:

– Кабинет Ниро Вулфа, Арчи Гудвин слушает.

Деловитый женский голос произнес:

– Говорит секретарь миссис Питер Оделл. Она получила ваше письмо и хотела бы поговорить с Ниро Вулфом.

Я, конечно, предполагал, что такое может случиться в присутствии Вулфа, поэтому раздумывать не стал.

– Прошу прощения, – заявил я, – но мистера Вулфа нет, и он появится только в понедельник. Кроме того, я подчеркнул, что письмо носит сугубо личный характер.

Она прикрыла микрофон, и я ничего не слышал. Пару минут спустя она снова заговорила:

– Мистер Гудвин?

– Да.

– Миссис Оделл хочет поговорить с вами. Вы можете приехать в три часа?

Я тут же прикинул, что в три часа будет идти примерно четвертый иннинг бейсбольного матча, но ведь меня никто не заставлял отправлять это письмо.

– Хорошо. В три я буду. – Повесив трубку, я развернулся и сказал Вулфу: – Кое-кто упомянул ваше имя всуе. До чего рассеянный пошел народ. Нужно приучить людей перечитывать письма по меньшей мере трижды. – Я взглянул

на блокнот. – Мы остановились на последних достижениях в гибридизации.

Вулф надиктовал еще страницу.

Я-то намеревался уже в час дня добраться до стадиона Ши и насладиться парой хот-догов и пинтой молока, наблюдая за подачей мяча в бейсболе. Вместо этого чуть позже часа я отправился в закусочную Сэма на Десятой авеню и насладился ржаным хлебом и печеными бобами – ни того ни другого за столом Вулфа вы никогда не встретите, – а потом прошел пешком две мили от Западной Тридцать пятой улицы до Восточной Шестьдесят третьей. Должен вам сказать, что люди, которых вы встречаете на улице в центре города субботним днем после ланча, совершенно не похожи на тех, что спуют здесь в будни.

Огромный пятиэтажный каменный особняк шириной сорок футов располагался между Пятой авеню и Мэдисон-авеню. При входе в вестибюль меня остановил широкоплечий здоровяк со значком Службы охраны Латорпа на застегнутом пиджаке. Должно быть, даже по прошествии двух недель досужие репортеры все еще были проблемой или миссис Оделл так думала.

– Что вам нужно, сэр? – угрюмо спросил здоровяк.

Я назвал, сказал, что меня ждут, и протянул удостоверение. Он вошел в вестибюль, нажал на кнопку, и женщина в аккуратной серой униформе с юбкой дюйма на четыре ниже колена открыла дверь. Охранник представил меня, жен-

щина, поверив ему на слово, прошла по мраморному полу к внутреннему телефону на мраморном столике и сказала, что мистер Гудвин ждет. Пару минут спустя послышался шум спускающегося лифта, который был раз в десять тише, чем у Вулфа. Дверь в дальнем конце большого вестибюля открылась, и высунувшаяся из лифта женщина пригласила меня присоединиться к ней. Мы проехали два этажа и остановились на третьем. Женщина провела меня по коридору к открытой двери и отошла в сторону, пропуская вперед.

Я оказался в огромной комнате во всю ширину дома. Я осмотрелся: столы, рабочие стулья и мягкие кресла, два дивана, картины маслом, стеллажи, цветной телевизор... На нем мой взгляд задержался, потому что на экране показывали бейсбольный матч, который комментировал Ральф Кайнер. Вся его аудитория состояла из единственной женщины, откинувшейся на подушки широченного дивана. Даже не будь я в ее доме, то узнал бы миссис Оделл по фотоснимкам, публиковавшимся в «Таймс» и «Газетт»: лицо с широкими скулами, большой рот, пухлые губы. Просторное, больше напоминающее балахон, светло-синее платье, застегнутое спереди на молнию снизу доверху.

Я приблизился и вежливо поинтересовался:

– Какой счет?

Карие глаза взметнулись ко мне, потом вернулись к игре.

– Четыре – два в пользу «Пайрэтс». Конец четвертого иннинга. Садитесь.

Я сел в кресло рядом с диваном и посмотрел на экран. Принимал Эд Крайнпул. Он благополучно справился с подачей, преодолел все базы, завершив иннинг, и тут же затянула реклама. Я завертел головой, высматривая секретаршу, но та уже ушла. В ту же минуту телевизор замолчал, и я поспешно повернулся к миссис Оделл. Дистанционное управление; она выключила звук.

– Картинку я оставлю, – сказала она и неторопливо смерила меня взглядом; я не волновался, брюки у меня были тщательно отутюжены. – Предлог для своего письма вы придумали слабый. «Самый важный факт», – написали вы, но не назвали его.

– Разумеется, нет.

– Почему «разумеется»?

Рекламный ролик закончился, и к приему изготовился очередной игрок «Пайрэтс». Звук она так и не включила, но устоялась на экран. Мне ничего не оставалось, как последовать ее примеру.

– Я работаю на Ниро Вулфа, – пояснил я игроку, который, должно быть, от неожиданности промахнулся. – Он зарабатывает на жизнь, разгадывая для клиентов шарады, а часть заработанного отдает мне в виде жалованья. Хорош бы я был, выложив задаром то, что он высказал по поводу одной из таких шарад. А письмо я написал только потому, что горько видеть, как рассыпается ваше дело.

– Ох, оставьте! – Ее глаза метнулись ко мне, потом вер-

нулись к телевизору. – Вы намекнули, чтобы я связалась с вами, и отказались соединить меня с вашим шефом, когда я позвонила. Сколько вы хотите?

– Можете начать с миллиона. Никто еще не сумел назвать сумму, на которую я бы клюнул. Но я и впрямь намекнул, что хотел бы встретиться с вами. Знаете, что я подозреваю? Я почти уверен – это идет из каких-то скрытых глубин моего мозга, – после того, как за семнадцать дней ни полицейские, ни парни окружного прокурора не продвинулись ни на шаг, вы, должно быть, не прочь обсудить свое дело с Ниро Вулфом. Вы что-нибудь знаете о нем?

– Нет, ничего определенного. Хотя, без сомнения, наслышана.

Игрок третьей базы ударил битой по мячу с такой силой, что тот взмыл в небеса, и за ним со всех ног устремились Клеон Джонс и Томми Эйджи. Мяч уже, казалось, должен был упасть, когда Джонс в немыслимом прыжке успел подхватить его одной рукой... Здорово! Едва началась реклама, я снова повернулся к дивану:

– Честно говоря, я готов признать, что письмо и в самом деле глупое. Как вы можете проедать плешь окружному прокурору, если я так и не удосужился раскрыть вам «самый важный факт»? Прошу у вас прощения. Больше того, я готов заплатить штраф. Самый важный факт состоит в том, что ваш муж вошел в ту комнату и выдвинул тот самый ящик, а самый важный вопрос – почему? Если и пока на этот вопрос

не ответят, и десять лучших сыщиков мира не справятся с этим делом. Передайте это инспектору Кремеру, но только не ссылайтесь на Ниро Вулфа. При упоминании этого имени инспектор звереет. – Я встал. – Я прекрасно понимаю, что вам, возможно, ответ на этот вопрос известен и вы поделились им с окружным прокурором, который это скрывает, но, судя по опубликованным отчетам, это не так. Во всяком случае, мы с мистером Вулфом в этом сомневаемся. Спасибо, что позволили увидеть, как Клеон Джонс взял безнадежный мяч.

Я повернулся и зашагал к двери, но резкий, как щелчок, голос впился мне в спину:

– Черт возьми, сядьте!

Я повиновался, чинно вперился в экран и проследил, как Джерри Гроут и Бад Харрельсон приносят очко команде «Метс». Когда Эд Чарльз сравнял счет и снова пустили рекламу, миссис Оделл снова выключила звук и посмотрела на меня:

– Позвоните Вулфу и передайте, что я хочу его видеть. Сейчас же. – Она указала пальцем. – Телефон на столе. Сколько времени ему понадобится, чтобы приехать?

– Много. Целую вечность. Я верю, что ничего определенного вы о нем и в самом деле не знаете. Он выходит из дому крайне редко и только по своим личным делам, никогда не покидая дом по делам, связанным с работой. Думаю, по телефону обсуждать свое дело вы не захотите, поэтому вам

остаётся только поехать к нему самой. Адрес указан на бланке письма. Хорошо бы в шесть часов. Он к этому времени освободится, да и матч закончится...

– Боже мой, какое нахальство! – прошептала она. – Вы считаете, я должна поехать?

– Нет, я считаю, что вы не должны. Но вы сказали, что хотите его видеть, а я...

– Хорошо-хорошо. Не будем об этом. – Она снова нажала на кнопку. Боб Мерфи сменил Ральфа Кайнера, а говорит он громче; ей пришлось повысить голос: – Мисс Хабер проводит вас вниз. Она в холле.

Я встал и двинулся к двери. Меня проводили, я прошел до Мэдисон-авеню, заглянул в бар с телевизором и уселся досматривать матч, так и не зная, зря потратил бланк, конверт, почтовую марку и большую часть дня или нет. Делать ставку я бы не решился. Проще было бросить монетку. Правда, она все-таки сказала, что хочет его видеть, а если я знаю женщин хотя бы на одну десятую от того, что притворно приписывает мне Вулф, то она привыкла добиваться того, чего хочет. К тому времени, когда матч закончился («Метс» выиграли 7:5), я уже пришел к определенному мнению. Два против одного, что мне удалось подцепить ее на крючок. Так, во всяком случае, мне казалось, когда незадолго до шести я отпирали ключом входную дверь нашего старого особняка из бурого песчаника.

Конечно, я и думать не мог, чтобы в этот вечер уйти из

дому. Когда меня нет, к телефону обычно подходит Фриц, но порой снимает трубку и сам Вулф, а она могла позвонить в любую минуту. Могла. Но не позвонила. Она могла пожаловаться Кремеру или окружному прокурору, и тогда позвонил бы кто-нибудь из них. Но они тоже не позвонили. Когда около полуночи я отправился спать, то уже не ставил два против одного. Впрочем, надежды я еще не утратил, поэтому в воскресенье утром, зайдя после завтрака в кабинет, я позвонил Лили Роуэн и сказал, что буду весь день занят, но билеты на игру пришлю с нарочным и надеюсь, что она найдет мне подходящую замену, которая будет орать так же громко, как и я. И вот, представьте себе, всего восемь минут прошло, как я отослал нарочного, и позвонила миссис Оделл. Сама, не через секретаршу. Она заявила, что хочет поговорить с Вулфом, а я ответил, что нет, мол, он еще даже не подозревает о нашей с ней встрече.

– Господи! – вздохнула она. – Можно подумать, что он президент Соединенных Штатов. Я должна с ним поговорить. Приведите его.

– Я не могу, да и он не согласится. Честное слово, миссис Оделл, я был бы рад вам помочь, но это невозможно. Ему бы это пошло только на пользу, но проще привести гору к Магомету. Если можно было бы устроить состязание по упрямству, он бы вас победил.

– Да, я упряма. И всегда была.

– Я готов назвать это упорством, если вы не против.

Молчание. Оно так затянулось, что я даже начал подумывать, не ушла ли моя собеседница, забыв положить трубку. Наконец она сказала:

– Я приеду в шесть часов.

– Сегодня? В воскресенье?

– Да.

В трубке щелкнуло.

Я перевел дыхание. Что ж, пока все шло хорошо, но самое серьезное препятствие еще подстерегало меня впереди. По воскресеньям наш домашний распорядок отличался от обычного. Теодор в воскресенье не приходил, и утренние занятия Вулфа с орхидеями могли продлиться от двадцати минут до четырех часов. Да и Фриц, накормив нас завтраком, мог куда-нибудь уйти до вечера. А мог и не уйти. Сегодня останется дома, сказал он. Вопрос заключался в том, когда сообщить Вулфу радостную новость. Подняться в оранжевую я и думать не смел. Вулф не выносил этого, даже если случалось нечто из ряда вон выходящее. Я решил подождать, пока Вулф спустится, чтобы сперва посмотреть, в каком он настроении.

Появился он в начале двенадцатого, зажав под мышкой воскресную «Таймс» и держа в руке четырнадцатидюймовую веточку *Peristeria elata*. «Доброе утро» прозвучало у него как приветствие, а не просто рык. Дождавшись, когда орхидеи заняли надлежащее место в вазе, а Вулф устроился в сделанном по особому заказу кресле, которое он не обменял бы на

тонну золота, я заговорил:

– Прежде чем вы погрузитесь в «Недельное обозрение», я должен сообщить вам новость, которая придется вам не по вкусу. В шесть вечера к вам придет женщина. Миссис Питер Дж. Оделл, муж которой выдвинул ящик стола и погиб. Мне пришлось нарушить закон и не посоветоваться с вами, прежде чем назначить ей встречу.

Вулф метнул на меня испепеляющий взгляд:

– Я был здесь. Ты мог сказать.

– Да, но дело было слишком срочное. – Я открыл ящик письменного стола и вынул лист бумаги. – Вот копия письма, которое я отослал ей в пятницу днем. – Я встал, передал бумагу Вулфу и вернулся на место. – Вчера днем она позвонила, точнее, позвонила ее секретарша, и я поехал к ней домой на Шестьдесят третью улицу. Она хотела, чтобы я позвонил и попросил вас приехать к ней, что я даже обсуждать не стал. Я сказал, что встретиться с вами она может только в одном-единственном месте – в вашем кабинете. Сегодня утром, час назад, она позвонила и сказала, что приедет в шесть. Вот и все.

Вулф прочитал письмо. Потом перечитал, плотно стиснув губы. Бросил на стол и посмотрел на меня. Не злобно, не уничтожающе, а просто вперил в меня пристальный взгляд:

– Я тебе не верю. Сам знаешь, это было бы больше чем невыносимо.

– Ничего другого я от вас и не ожидал, – кивнул я. – Но

в шесть вечера она будет здесь. А срочность, на которую я ссылался, покоится в вашем сейфе. Я имею в виду чековую книжку. Вы, конечно, обратили внимание, что начиная с первого мая я подавал вам памятку о состоянии наших финансовых дел каждую неделю, а не дважды в месяц, как обычно. Из ста пятидесяти восьми дней, прошедших с начала года, вы работали дней десять, а я – меньше двадцати, если не считать моих повседневных обязанностей. Я ненароком...

– Не меньше двадцати. Меньше чем двадцать.

– Спасибо. Я ненароком выведал, что состояние миссис Оделл исчисляется цифрой с восемью нолями. Или даже с девятью. Мне оставалось либо уволиться и сделать ей предложение, либо вынудить ее обратиться к вам. Я бросил монетку, и вы выиграли. Вот я и написал ей письмо.

– А вот теперь, – процедил он сквозь зубы, – выбирать буду я.

– Разумеется. Увольте меня или принимайтесь за работу. Если вы меня уволите, я не стану брать у вас отступные. Ведь в таком случае мне пришлось бы снимать деньги с вашего банковского счета, а всякий раз, как мне приходилось это делать в течение последнего месяца, я с трудом удерживался от рыданий. Меня так и подмывало разорвать на себе одежды и посыпать голову пеплом. Когда будете принимать решение, не забудьте, что по меньшей мере дважды вы сами поступали так же, когда денег на счету оставалось кот наплакал. В по-

следний раз такое случилось, когда вы послали меня к женщине по фамилии Фрейзер. Разница только в том, что сейчас я поступил так, не посоветовавшись с вами. Я предпочитаю отрабатывать хотя бы часть своего жалованья.

Вулф обеими руками вцепился в подлокотники кресла, откинулся назад и закрыл глаза. Губы, правда, втягивать и выпячивать не стал. Это означало, что ни о чем серьезном он не размышляет, а только прикидывает, стоит ли овчинка выделки.

Я уже собрался было развернуться к письменному столу и приступить к чтению собственного экземпляра «Таймс», когда Вулф открыл глаза, выпрямился и заговорил:

– Насчет моих слов по поводу самого важного факта, на который не обращают внимания. Эта женщина, разумеется, захочет знать, в чем он состоит. У тебя есть предложения?

– Еще бы. Я уже сказал ей вчера. Главное – то, что Оделл вошел в комнату Браунинга и выдвинул тот самый ящик, в котором, насколько все знали, всегда хранился только виски. Почему? Вот самый главный вопрос. Вы читали про это убийство только в газетах, а я вчера битых полтора часа обсуждал его с Лоном Коэном и узнал кое-какие подробности, которые не публиковались.

– Проклятье! – Вулф состроил гримасу. – Ладно. Излагай. Главное из беседы с мистером Коэном. И дословно весь разговор с этой женщиной.

Я начал излагать.

Глава 5

Большинство людей, которые входят в этот кабинет впервые, озабочены своими бедами, но тем не менее частенько замечают что-нибудь особенное: огромный караганский ковер размером четырнадцать футов на двадцать шесть, или исполинский глобус, три фута в поперечнике, или орхидеи в вазе на столе Вулфа. А вот миссис Питер Дж. Оделл не заметила ничего. В кабинете она, пока шла по ковру к сидящему за столом Вулфу, не отрывала от него глаз. У стола она остановилась. Вулф, естественно, даже не подумал привстать ей навстречу.

– Шарлотта Хабер, мой секретарь, – представила миссис Оделл. – Я привела ее с собой на тот случай, если мне что-нибудь понадобится.

Она шагнула к красному кожаному креслу, села и положила сумочку на маленький столик возле подлокотника. Я придвинул одно из желтых кресел секретарше. По взгляду, которым удостоила меня у двери мисс Хабер, а затем и Вулфа, несложно было догадаться, что она предпочла бы находиться где-нибудь в другом месте. Ее узкий лоб был наморщен, отчего казался еще уже, а сложенные бантиком губы делали и без того маленький ротик почти невидимым.

– Я навела о вас справки в трех местах, – скрипучим голосом обратилась миссис Оделл к Вулфу. – Вы своенравны

и упрямы, берете огромные гонорары, но на вас можно положиться.

Вулф хмыкнул:

– Вам следовало копнуть глубже. Как насчет профессионализма?

– О, судя по откликам, соображаете вы неплохо. Впрочем, на этот счет я составлю мнение сама. Ваш человек сказал мне, что, по вашим словам, полиция не уделяет должного внимания самому важному вопросу: почему мой муж пошел в комнату Браунинга и выдвинул тот самый ящик? Я хочу знать, почему именно это так важно. – Она взяла сумочку, раскрыла и извлекла наружу чековую книжку. – Сколько вы хотите за ответ на мой вопрос?

Вулф потряс головой:

– Я обсуждаю подобные тонкости только с клиентами, а на вас я не работаю. Однако, учитывая, что мистер Гудвин сослался на меня, о чем я даже не подозревал, я сделаю для вас исключение. Когда речь идет о судебном процессе по делу об убийстве, подозреваемый может быть осужден и без доказанного мотива. Разумеется, присяжным проще вынести вердикт, когда мотив преступления установлен, но это не является обязательным условием. Совсем иное дело, когда убийство только расследуется. Здесь уже выяснить мотивацию необходимо. Много веков назад на древнем языке был задан вопрос: *cui bono*? Кому это выгодно? Пытаться выяснить, кто подложил бомбу в ящик, не зная, для кого она

предназначалась, – дело гиблое. А чтобы узнать это, нужно выяснить: почему ваш муж вошел в ту комнату и выдвинул тот ящик, а также кто знал о том, что он это сделает? Собственно говоря, это и есть самый главный вопрос: кто знал, что он так поступит? И знал ли? Если бы дело расследовал я, то сосредоточил бы все усилия на решении именно этого вопроса, отбросив все другие. Я вам ответил, мадам, и гонорара не потребую, поскольку мистер Гудвин процитировал меня без моего ведома и согласия.

Она по-прежнему не выпускала из руки чековую книжку.

– В полиции считают, что бомба предназначалась для Эймори Браунинга.

– Несомненно. Вполне разумное предположение. Но если на самом деле она предназначалась для вашего супруга, то полиция зря тратит время и ничего не добьется.

– Почему вы считаете, что бомба предназначалась для моего мужа?

– Я так не считаю. Но я полагаю, что это вовсе не исключено. И повторяю, в первую очередь я бы хотел узнать, было ли кому-нибудь известно о том, что он собирается войти в эту комнату и выдвинуть этот ящик. И если да, то кому.

Миссис Оделл сидела и молча смотрела на Вулфа. Потом повернула голову и бросила взгляд на меня, после чего перевела взгляд на Шарлотту Хабер. Не знаю, требовалась ей какая-то помощь или она делала это просто так, неосознанно. Наконец миссис Оделл раскрыла чековую книжку, выну-

ла ручку, решительно написала что-то на чеке, потом на корешке и вырвала чек.

– Вы сказали, что не работаете на меня, – заявила она. – Теперь это уже не так. Вот вам двадцать тысяч долларов в качестве аванса. Я хочу кое-что вам сказать, а также посоветоваться с вами при условии, что все сказанное останется между нами и вы никогда ни при каких обстоятельствах не расскажете об этом кому-либо еще.

– Я не могу согласиться на такие условия, – покачал головой Вулф.

– Господи, почему?! Любой адвокат согласился бы.

– Я не член коллегии адвокатов. Сказанное мне клиентом не считается конфиденциальными сведениями. Арчи, твой блокнот!

Я вытащил из ящика блокнот и приготовил ручку.

– В двух экземплярах, – сказал Вулф. – Удостоверяю, что получил от миссис Питер Дж. Оделл чек на двадцать тысяч долларов в качестве аванса за свои услуги. Точка. Гарантирую, что любые сведения, полученные от нее, не будут раскрыты без ее согласия ни мной, ни Арчи Гудвином, если возникшие обстоятельства не обяжут его или меня раскрыть их в законном порядке. – Он обратился к ней: – Уверяю вас, что мы никоим образом не заинтересованы в возникновении подобных обстоятельств. Это вас устроит?

– Я не... Я должна посмотреть на расписку.

Я вложил в каретку бумагу и забарабанил по клавишам.

На стене за моим письменным столом висит зеркало высотой четыре фута и шириной шесть, и мне было видно, с каким изумлением следит за мной мисс Хаббер. Ни одна секретарша не верит, что какой-либо мужчина способен печатать на машинке десятью пальцами. Управившись с привычным делом, я вынул бумагу, оставил себе копию, а первый экземпляр передал Вулфу. Он подписал бумагу, вернул мне, а я уже отдал ее миссис Оделл. Та прочитала расписку, пожевала губами, перечитала ее и наконец вручила мне чек. Я пробежал чек глазами и отдал его Вулфу, который, даже не удостоив бумажку взглядом, небрежно бросил ее на стол.

Вулф посмотрел на свою клиентку:

– Я подписал эту расписку, мадам, но не буду считать себя чем-либо вам обязанным, пока не узнаю, чего именно вы от меня хотите. Надеюсь, мне не придется возвращать вам заверенный вами чек, но, если возникнет необходимость, я это сделаю. В любом случае я обязуюсь не разглашать полученные от вас сведения, оставаясь в рамках законности. Итак, что вам нужно?

– Мне нужен ваш совет. Я хочу знать, что я могу делать. Мне точно известно, почему именно мой муж пошел в кабинет Эймори Браунинга и полез в тот ящик. Знает это и мисс Хаббер. Вот поэтому она здесь. Я знаю, что бомба предназначалась именно ему, и знаю, кто ее подложил.

Думаю, Вулфу в своей жизни доводилось удивляться не реже, чем нам с вами, но гонор не позволял ему признавать

это. Однако миссис Оделл его прошибла. Его глаза широко раскрылись, потом прищурились, и Вулф прочистил горло.

– Вот как? – произнес он. – Вы рассказали это полиции?

– Нет. Я не сказала ни одной живой душе. Никто не знает об этом, кроме мисс Хабер и меня. Я надеялась, что полиция его схватит. И почему они не докопались, где и как он раздобыл эту бомбу? Господи, и почему они такие бестолковые?! Ведь прошло уже больше двух недель. Теперь, после того, что вы мне сказали, я должна что-то предпринять и хочу, чтобы вы мне сказали, что именно. Сколько вам известно? Вы знаете, что в тот самый день на пять часов был назначен совет директоров, на котором должно было решиться, кому быть следующим президентом КВС?

– Да. Им должен был стать либо ваш муж, либо мистер Браунинг.

Она кивнула:

– Они должны были оба присутствовать на совете, предложить свою программу дальнейшей политики фирмы и первоочередных изменений, ответить на вопросы, а потом выйти. А мы должны были обсудить обе кандидатуры и затем проголосовать. Это вы тоже знали?

– Нет.

– Что ж, теперь знаете. Если вы читали газеты, то вам известно, что Эймори Браунинг хранил в том ящике стола виски особого сорта.

– Да.

– И что каждый день, часа в четыре, он прикладывался к бутылке.

– Да, это тоже упоминалось.

– Так оно и было. Каждый день между четырьмя и пятью. Все об этом знали. Хорошо. Теперь я перехожу к тому самому, что вы обязались никому не раскрывать. Мой муж отправился в ту комнату и выдвинул тот самый ящик, чтобы подложить кое-что в виски. Это была моя задумка. Вам известно, что такое ЛСД?

– Да. Сильнодействующий наркотик. Диэтиламид лизергиновой кислоты.

– Господи, как вы можете это выговорить! Так вот, я сумела раздобыть его. Не спрашивайте у меня, каким образом. Мисс Хабер в курсе. Он был в виде порошка, который я ссыпала в маленькую пластмассовую бутылочку и уговорила мужа воспользоваться им. Полиции об этом известно. Бутылочку нашли в кармане его пиджака. Об этом вы знали?

– Нет.

– Да, это держится в тайне. Думаю, что, кроме меня, они никому об этом не сказали, а я заявила, что мне ничего не известно. Питер собирался подсыпать порошок в виски. Ведь Браунинг наверняка приложился бы к бутылке, прежде чем идти на пятичасовое собрание. Мы понятия не имели, какое влияние окажет на него такое количество ЛСД, так как даже не знали, сколько виски осталось в бутылке. Тем не менее мы были вправе рассчитывать, что наркотик подействует на

Браунинга и он произведет плохое впечатление на директоров, а ведь именно в тот день мы и должны были вынести решение о том, кто займет место президента. Ну вот, теперь вы знаете, почему мой муж полез в этот ящик.

– Да, наверное, – кивнул Вулф. – Маловероятно, что вы могли бы выдумать подобную историю. К тому же ЛСД находится в руках полиции. Вы сказали, что мисс Хабер знает, как вы раздобыли наркотик. А знает ли она, какое применение вы ему уготовили?

– Да.

– А кто-нибудь еще об этом знает?

– Да. Эймори Браунинг.

Вулф покачал головой:

– Не злоупотребляйте моим доверием, мадам. Не собираетесь же вы сказать, что вашего мужа убил мистер Браунинг?

– Собираюсь. Убийца – он. – Она повернула голову. – Шарлотта?

Мисс Хабер раскрыла было рот, но тут же сомкнула губы, потом подняла и уронила руку.

– Пожалуйста, миссис Оделл! – взмолилась она. – Я не думаю... Скажите сами ему. Прошу вас!

– Что ж, ваше право. – Миссис Оделл обратилась к Вулфу: – Люди делятся на сильных и слабых. Мисс Хабер как раз из породы слабых. Она прекрасный работник, но ей не хватает смелости. Она узнала, по моей просьбе, где достать ЛСД. Более того, именно она и приобрела наркотик пример-

но месяц назад. Потом, подслушав мой разговор с мужем, провела о нашем замысле. После этого она позвонила Эй-мори Браунингу и сообщила ему о наших планах. Обо всем этом я узнала лишь через три дня после смерти мужа. Так что слабость она проявила трижды: достав для меня ЛСД, хотя не знала, что я собираюсь с ним делать, позвонив Браунингу и, наконец, признавшись мне в содеянном. По вашим словам, самый важный вопрос заключается в том, кто знал о том, что мой муж собирается пойти в ту комнату и полезть в тот самый ящик. Так вот, знали об этом трое: мисс Хабер, я и Эймори Браунинг. Браунинга она предупредила за четыре дня до случившегося, так что времени подложить бомбу у него было предостаточно.

Вулф, набывшись, хмуро тарачился на нее:

– Замечательное представление! Необыкновенное. Вы, похоже, не замечаете...

– Я еще не закончила, – оборвала его миссис Оделл. – Насчет того, как Браунинг заполучил бомбу. Вы смотрите телевизор?

– Редко.

– Примерно три месяца назад КВС организовала часовую программу под названием «Откуда берутся бомбы». Вы ее видели?

– Нет.

– Многим людям показалось, что организаторы явно переусердствовали, объясняя, из чего сделаны бомбы и отку-

да они берутся, но я так не считаю, ведь ни адресов, ни подлинных имен изготовителей никто не называл. Задумал эту программу сам Браунинг, а всю подготовительную работу проделали его сотрудники, так что собрать нужные сведения труда ему не составило. Если вы считаете, что ему было сложно раздобыть бомбу и научиться пользоваться ею всего за четыре дня, то на самом деле это вовсе не так.

Вулф продолжал хмуриться:

– Вы меня не так поняли. Я имел в виду ваше представление. Это, конечно, следует принять во внимание, но прежде я хотел бы уточнить, стану ли вообще ввязываться в это дело. Чего вы от меня ожидаете, если я соглашусь на эту работу?

– Я ожидаю, что вы скажете мне, что я должна делать. И надеюсь, поможете мне. Я хочу, чтобы Эймори Браунинг был изобличен, осужден и понес заслуженное наказание, но я не хочу, чтобы сказанное мной вам выплыло наружу. Я не собираюсь сидеть в свидетельском кресле и отвечать на вопросы по поводу того, что замыслили мы с мужем. Сколько вы сами совершили таких поступков, о которых хотели бы умолчать?

– Возможно, тысячу. Порчей чужого виски я не занимался, но о вкусах и методах не спорят. – Вулф повернул голову. – Мисс Хабер, вы подтверждаете то, что рассказала мне миссис Оделл о вашем участии в этом деле?

Секретарша сглотнула. Она сидела вполоборота ко мне, но смотрела, должно быть, прямо в глаза Вулфу.

– Да, – еле слышно выдавила она, потом повторила, чуть

громче: – Да, подтверждаю.

– Вы достали какое-то количество ЛСД по ее просьбе?

– Да, но я не собираюсь объяснять где и как.

– Мне и не нужно это знать, во всяком случае сейчас. И вы узнали, что она собирается сделать с наркотиком, подслушав ее разговор с мужем?

– Да. Я думала, что имею право знать. ЛСД запрещен. Приобретать его и даже просто хранить противозаконно.

– И вы решили рассказать про это мистеру Браунингу? Почему?

– Потому что я боялась, что наркотик может убить его. То количество, которое я дала миссис Оделл – там было почти четыре столовые ложки... Я не знала, чего от него ждать. Если бутылка виски была полна лишь наполовину или даже на четверть, то такая огромная доза наркотика могла, насколько мне известно, оказаться смертельной для мистера Браунинга. Я стала бы соучастницей убийства... Да и вообще, я не хотела оказаться замешанной в такое тяжкое преступление. Должно быть, все дело в том, что сказала миссис Оделл. Я и впрямь такая слабая и безвольная личность. Но как бы то ни было, я не хотела становиться убийцей.

– Как вы связались с мистером Браунингом? Вы ему написали?

– Нет, позвонила. В пятницу вечером, из загородного автомата. Я не назвалась. Я вообще не назвала ему ни одного имени. Я только сказала, что во вторник днем некто собира-

ется подсыпать ему в виски крайне опасный препарат и что ему лучше не пить этот виски. Он порывался расспросить меня, но я повесила трубку. Конечно, он мог заподозрить, что злоумышленником окажется мистер Оделл, но мне и в голову не могло прийти, что он способен так поступить.

– Откуда именно вы звонили?

– Из Коннектикута. Из городка Уэстпорт.

– Вы сказали, что позвонили в пятницу вечером. А в какую именно пятницу?

– Накануне этого ужасного случая. За четыре дня.

– Значит, шестнадцатого мая.

– Да? – Она ненадолго задумалась. – Да, вы правы, шестнадцатого.

– В котором часу вы ему позвонили?

– Около девяти. Немного позже. Когда, как мне показалось, он должен был закончить обед.

– А вы уверены, что разговаривали именно с мистером Браунингом?

– О, совершенно уверена. Он сам подошел к телефону, да и его голос мне хорошо знаком. Я слышала его не меньше дюжины раз, когда он звонил домой мистеру Оделлу.

Вулф задумчиво посмотрел на нее:

– А вы не говорили миссис Оделл, что предупредили его?

– Нет, конечно.

– Но ведь сказали потом, через три дня после смерти мистера Оделла. Почему?

– Потому что... Словом, я не могла иначе. Я же сказала вам, что не хотела стать убийцей, а сама все же стала. Не сделай я этого звонка, мистер Оделл был бы жив, да и мистер Браунинг, скорее всего, тоже. Возможно, ЛСД не повредил бы ему. Я не могла продолжать оставаться с миссис Оделл и не сказать ей... У меня не было другого выхода.

Вулф посмотрел на миссис Оделл:

– Это случилось две недели назад. Почему вы ее не уволили?

– Что за дурацкий вопрос! – взвилась миссис Оделл. – Ведь она могла разболтать кому угодно. Полиции, например. Я хочу нанять вас вовсе не для того, чтобы копаться в поведении мисс Хабер... Или в моем собственном. Я хочу знать, как отомстить Браунингу, не разглашая истории с наркотиком.

Вулф закрыл глаза, и его указательный палец принялся вычерчивать крохотные круги на пресс-папье. Впрочем, судя по тому, что губами он не шевелил, задача выдалась не из сложных. Решение он уже принял, а теперь просто обдумывал, стоит ли продолжать расспросы, прежде чем объявить о своем решении. Полминуты спустя он перестал выводить круги, поднял руку, потер лоб и, развернувшись, уставился на меня. Если бы не посетители, он бы сказал примерно следующее: «Ты втравил меня в эту историю. Я признаю, что гонорар нам не помешает, но втянул меня ты».

Он ел меня глазами секунд десять, потом снова посмотрел

на миссис Оделл:

– Очень хорошо. Вы просите невозможного, но я готов принять от вас задаток. Размеры моего гонорара будут определяться не результатом, а затраченными усилиями и риском. Мне понадобится знать факты, много фактов, но приближается время обеда, а я должен услышать их из первых уст. Арчи, запиши эти фамилии: мистер Браунинг, мистер Эбботт, мистер Фолк, мистер Меер, миссис Браунинг, мисс Лугос, мисс Веннер. – Он снова обратился к клиентке: – Вы можете завтра собрать всех этих людей у меня в девять вечера?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.